РЕВОЛЮЦИИ И ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Шульц Э. Э.

кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия), 603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ntrel@fmo.unn.ru

УДК 1:316.42
ББК 60.032.62

Цель. Данная статья посвящена анализу теории модернизации государства в результате революций.

Методы. В статье рассмотрены теоретические представления о модернизации в ходе революций. Из общенаучных методов главными стали дедуктивный и индуктивный метод, логический, анализ и синтез, использовался также сравнительный анализ и структурно-функциональный метод.

Результаты. Революция становится, безусловно, структурной причиной дальнейшей модернизации государства, в которой процессы модернизации (урбанизация, индустриализация и демократизация) структурно связаны друг с другом и находятся в зависимости, но размещены на длительном временном промежутке, и в конечном итоге имеют отношение к «породившей» их революции примерно так же, как индустриальная революция XVIII–XIX вв. к религиозным войнам в Европе XVI–XVII вв.

Революции не должны вести к демократии и демократическим изменениям в полном и современном понимании. Однако бесспорное последствие всех революций – уничтожение привилегированного сословия, установление новой социальной структуры общества (по примеру стран Западной Европы и Америки, «по стандартам Нового времени»), что неминуемо в процессе развития общества ведет к «демократизации». И это изменение социальной структуры общества как следствие революции, которое в исторической перспективе ведет к урбанизации и демократизации, пожалуй, является единственным признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен.

Научная новизна. Статья разбирает одну из ключевых и самых распространенных точек зрения исследователей на революции как путь модернизации государств и дает принципиально иное отношение к теории модернизации в результате революций. Автор дискутирует с устоявшимся представлением в историографии, что причины и последствия революции обусловлены задачами модернизации в государстве (которое неспособно решить эти проблемы путем реформ). Эти утверждения в полной мере «перекочевали» и на Русскую революцию. Автор приходит к выводам, что в приписывании революциям модернизационных причин и последствий следует быть очень осторожным, а первой революцией, о которой серьезно можно говорить, что в ее задачи целенаправленно входила модернизация государства – это революция 1917 г. в России. С точки зрения автора, революция становится, безусловно, структурной причиной дальнейшей модернизации государства, в которой процессы модернизации (урбанизация, индустриализация и демократизация) структурно связаны друг с другом и находятся в зависимости, но размещены на длительном временном промежутке. Единственным, по мнению автора, признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен, это изменение социальной структуры общества.

Ключевые слова: модернизация, Русская революция, Китайская революция, Английская революция, Французская революция, теория революции, теория модернизации**.**

REVOLUTION AND MODERNIZATION THEORY

Schultz E. E.

Candidate of Historical Sciences, doctoral student of International Relations Department of International Relations Faculty, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia), 2, Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Russia, 603005, ntrel@fmo.unn.ru

Purpose. The article analyzes the theory of state modernization as a result of revolutions.

Methods. Theoretical concepts of modernization in the course of revolutions are considered in the article. Deductive and inductive method, logic, analysis and synthesis have been applied as the main out of the general scientific methods; comparative analysis and structural-functional method have also been used.

© Шульц Э. Э., 2015

Results. Revolution becomes, of course, the structural reason of the further modernization of the country in which the processes of modernization (urbanization, industrialization and democratization) are structurally interconnected and interdependent, but placed in the long run, and are ultimately related to the "generating" them revolution, nearly the same as the industrial revolution of the XVIII-XIX centuries to the religious wars in Europe in the XVI-XVII centuries.

Revolutions should not lead to democracy and democratic changes in the full and modern sense. However, the indisputable consequence of all revolutions – is destruction of the privileged rank, establishment of new social structure of society (by the example of the Western European and American countries, "to the standards of New times"), which inevitably leads to "democratization" in the process of society development. And this change in the social structure as a consequence of revolution, which in the historical perspective leads to urbanization and democratization, might be the only sign where the thesis of modernization in the course of revolution can not be argued.

Scientific novelty. The article focuses on one of the key and the most common researchers' points of view on revolutions as a way of the countries' modernization and provides a fundamentally different attitude to the theory of modernization as a result of revolutions. The author discusses a common belief in historiography that the reasons and consequences of the revolution are based on the modernization problems in the country (which is unable to solve these problems through reforms). These perceptions "have been transferred" in the full range onto the Russian revolution. The author concludes that causes and consequences of modernization should be rather carefully attributed to revolutions, and the first revolution to be seriously claimed as aiming in part at modernization of the state is the 1917 revolution in Russia. From the author's the point of view, revolution is sure to become the structural cause of the further modernization of the country in which modernization processes (urbanization, industrialization and democratization) are structurally interconnected and interdependent, but placed in the long run. The author assumes that the only sign where the thesis of modernization in the course of revolution can not be argued is the change in social structure.

Key words: modernization, the Russian Revolution, the Chinese Revolution, the English Revolution, the French Revolution, theory of revolution, theory of modernization.

Подход к революциям как к методу и пути модернизации государств уходит корнями к деятелям Просвещения и Великой французской революции, которые считали, что революция ведет к новым, более совершенным, общественным отношениям [см.: 1, с. 176; 2, с. 186, 305; 13, с. 36; 17, с. 29], а также к положениям Маркса, согласно которым революции приводят к более прогрессивной формации [см.: 8, с. 339; 9, с. 7; 10, с. 435; 11, с. 378]. Главными теоретиками модернизации в XIX – начале XX в. считаются К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер [27, p. 5; 31, p. 1, 16]. Конкурирующие версии теории модернизации получили новый всплеск после Второй мировой войны, когда капиталистические и коммунистические супердержавы выдвинули различные маршруты к современности. В к. 50-х – 60-х гг. теория модернизации была одной из самых популярных в западном полушарии [27, p. 3]. Авторами в 60-е стали Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу и ряд других. Они вкладывали в понятие модернизации технологическое продвижение, урбанизацию, возрастающий доход, увеличение грамотности и увеличение средств массовой информации [27, p. 5]. В 70-е гг. теория модернизации подверглась критике и была объявлена умершей [27, p. 266; 31, p. 17]. В 90-е теория модернизации получила новое рождение [27, p. 270], причем «поколение 90-х» предпочитало говорить больше о «постмодернизации», чем «модернизации» [31, p. 5].

Модернизация определяется как переход от традиционного, сельского, аграрного общества к светскому, городскому, индустриальному обществу [35]. Под модернизацией подразумевается также тенденция, которая сопровождается индустриализацией, увеличенной урбанизацией, профессиональной специализацией и более высоким уровнем образования [31, p. 7], причем существует корреляция между модернизацией и демократией, так как социальные изменения неминуемо приведут к демократизации [31, p. 5–6].

«Вторую жизнь» теория модернизации в революции получила в последней трети XX в., и связана, в первую очередь, с именем израильского социолога Шмуэля Эйзеншдадта. Революции, по убеждению Эйзенштадта, влекут за собой изменения, направленные на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе [20, p. 45]. Эйзенштадт увязывал термин «модернизация» и «modernity» («современность») с цивилизацией Нового времени [20, p. 51].

Эйзенштадт считал, что «современность» (modernity) является отличным типом цивилизации, и этот тип цивилизации развивался в одной из Больших Осевых Цивилизаций – христианско-европейской [23, p. 493; 24, p. 48]. При этом Эйзенштадт отстаивал концепцию множественной модернизации, которая утверждает, что модернизации

не обязательно должна идти по единому западному образцу, а модернизация и вестернизация (westernization) это не идентичные процессы и понятия [25, p. 27]. «Западные образцы» современности, хотя и являются историческими предшественниками и продолжают быть основным ориентиром для других, не являются единственными образцами и путями модернизации [25, p. 27].

Два значения, которые выдвигал Эйзенштадт, понимая *modernity*, как *Новое время* и как *современность*, создали принципиальную проблему: революции ведут к стандартам, которые задало Новое время революциями в Англии и Франции, или происходит ориентация на современность – догнать в развитии передовые страны своего времени. Эта расплывчатость в дефинициях породила существенные расхождения в подходах. Под модернизацией стали понимать не столько «modernity» и «обновление», сколько ударение на смысловой нагрузке «усовершенствование», т.е. создание чего-то принципиально лучшего, достижение более высокого уровня, затем кроме усовершенствования, под модернизацией стали понимать обязательную индустриализацию, экономический рост, политическое и военное превосходство и т.д., в том числе, «формирование сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения» [12]. В 70-х Теда Скокпол, в качестве одного из основных выводов исследования, высказала мысль, что после революций поднимаются более централизованные и бюрократические государства, сильные во внутренних делах и влиятельные в международных отношениях [34, p. 285]. Этот вывод стал, с вариативной степенью изменений, тиражироваться в различных работах [6, с. 296; 18, с. 314; 26, p. 11]. Т.о., одним из свойств модернизации от революции стало называться усиление власти, ее концентрация и бóльшая централизация, что приводит к усилению государства, в первую очередь, на международной арене.

Если систематизировать подходы в историографии, то получим три основных принципа модернизации после революций:

1. Модернизация – как принцип приведения экономики, социальной и политической системы государства к принципам, сложившимся в развитых странах Нового времени.

2. Приведение к современному состоянию, под которым понимается наиболее передовые страны этого времени: модернизация экономики с ориентиром на мировых лидеров с целью выдержать конкуренцию, т.е. «догнать и перегнать», составить конкуренцию в угрожающей и тяжелой внешней среде.

3. Укрепление власти, ведущее к укреплению государства, его силы и роли в международной среде.

Действительно, в результате всех революций, или последовательности революций в одном государстве, или воздействия революций и сильного влияния стран, в которых эти революции уже состоялись и произвели изменения (Англия и колонии, влияние Наполеоновских войн, последствия Первой и Второй мировой войны) социальная структура и экономика государств изменялась в сторону «эталонов» Нового времени, созданных Нидерландской, Английской, Американской и Французской революциями – т.е. проводили модернизацию по первому принципу. Безусловно, в т.н. менее развитых странах, имеющих иные исторические традиции до Новейшего времени, результаты этих революций не дают полного совпадения с европейскими и северо-американским аналогами, но и в России, и в странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки в результате революций (что и выделяет их из других политических или протестных акций, как перевороты, восстания и др.) произошло упразднение привилегированных сословий, «третье сословие» стало составлять основу общества, как законодательно, так и фактически, экономика пошла по «капиталистическому пути» в вариациях, связанных с культурно-историческими традициями и особенностями идеологии. Новое время и его продолжение – это эпоха капитализма с его особенностями и различными путями развития.

Второй и третий принципы вызывают серьезные возражения.

На кого ориентировалась в задачах модернизации Нидерландская буржуазная революция (1566–1609 гг.) или английская буржуазная революция 1640–1649 гг.? Это были самые экономически развитые страны эпохи своих революций и ориентироваться на «обгоняющих» соперников во внешней среде не было нужды. Великая французская революция не только идейно не ориентировалась на английскую, не ставила себе задач модернизации, но и выстраивала принципиально отличные от английского общество и экономику. Английская революция мало что изменила для Англии – Англия оставалась владычицей морей на пути к мировому господству. Французская революция сделала на короткий срок из Франции европейскую сверхдержаву, однако это не благодаря экономическому развитию, страна как раз была разорена, а благодаря революционному настрою масс, которые готовы были нести свою новую веру «остальному человечеству». Об идее «модернизационного ориентира» в развитии стран в результате революций можно говорить в отношении некоторых революций середины XIX в., в частности, возможно, Германии, Италии, Швейцарии, Швеции, но, по большому счету, только с Русской революции. Это была первая революция, в которой так ярко проявились идеи модернизации по западному образцу и построения самого прогрессивного строя

путем перепрыгивания через этапы развития, с целью «догнать и обогнать» развитые капиталистические страны. В XX в. эта идея и «шаблон» были восприняты большинством революций. Отсюда, собственно, и появилась идея модернизирующих функций революций по второму принципу. Однако идеи революционеров еще не означают, что революция действительно «занималась» модернизацией.

Добавим к этому, что многие видные исследователи теории революции XX в. отрицали модернизирующее воздействие революций на экономику (с точки зрения привести ее к самому современному состоянию): революции ведут к падению экономики, ухудшению экономических условий [16, с. 74, 89, 118, 135, 276], революциям нет дела до экономики [18, с. 310–311], «революционные режимы зачастую способны сконцентрировать ресурсы и добиться бурного роста в отдельных отраслях экономики» [3, с. 94], но нет никаких свидетельств того, что революции становятся инструментом снятия стопора в развитии экономики [28, p. 483], даже наоборот, «политическая революция во Франции никоим образом не высвободила крупных экономических сил; напротив, она задержала процесс современного экономического развития в стране на десятилетия» [5, с. 16]. От себя добавим, что революция в Китае, которая наравне с Русской революцией считается главным примером «модернизационных функций» революции, не дала прогресс в экономическом развитии страны, только экономические реформы 80–90-х гг. XX в. привели к действительной индустриализации Китая и сделали Китай современной индустриально-развитой державой.

Третий принцип – укрепление власти, ведущее к укреплению государства, его силы и роли в международной среде. Нидерланды после революции 1566–1609 гг. – т.н. первой буржуазной революции – действительно получили более сильную власть и стали ведущей мировой державой, но это была национально-освободительная революция, в ходе которой Нидерланды и стали самостоятельным государством с собственным национальным правительством. Революция в Англии 1640–1649 гг. никак не повлияла ни на степень силы власти в стране, ни на положение страны на международной арене, где Англия, как до революции, так и после, сохраняла позиции мирового лидера того времени. На первый взгляд, действительно, Франция при Наполеоне стала представлять бóльшую силу и играть бóльшую роль на международной арене, чем при последнем монархе. Но бóльшую ли, чем при Людовике XIV всего менее чем за столетие до этого? Революции в Италии, Швейцарии, Германии середины XIX в. действительно укрепили власть в этих государствах и сделали их сильнее, но здесь речь идет не просто о революциях, а о совмещении революционных процессов с процессами объединения земель в этих государствах. Безусловно, единые государства стали сильнее и получили более сильную власть. Если вернуться к примеру Китая (который вместе с Российским примером стал основополагающим в выводах Т. Скокпол), Китай не выбился в мировые лидеры в результате революции, а серьезно считаться с Китаем, как с влиятельным государством в регионе стали только с 90-х гг. XX в. – через почти полвека после самой последней революции в стране. В уровень не только т.н. «мировых держав», но и региональных лидеров не вышли после революций почти ни одно государство Латинской Америки, Юго-Восточной Азии или Африки. Таким образом, выводы Т. Скокпол, которые получили многих приверженцев, кажутся, как минимум не бесспорными. Более того, революции в странах Южной Америки и Юго-Восточной Азии не сделали эти страны индустриальными и сверхдержавами, с сильным международным влиянием. Выводы о таких последствиях революций сделаны на исключительных примерах Английской, Французской, Русской и Китайской революциях. Причем в первых двух примерах описанное положение уже принадлежало этим странам и революции его не изменили, а в двух последних – эти изменения произошли через несколько десятилетий после революций в связи с необходимостью выживания в войне в случае с Россией, и проведением реформ в случае с Китаем.

Итак, в приписывании революциям модернизационных причин и последствий следует быть очень осторожным. Первой революцией, о которой серьезно можно говорить, что в ее задачи целенаправленно входила модернизация государства – это революция 1917 г. в России. Эту задачу осознавали, ее ставили перед собой революционеры, у которых были ориентиры направления в примерах развитых стран и в социальной утопии Маркса [см.: 19].

Русская революция (1917–1922 гг.), как, кстати сказать, и Германская (1918 г.), и Китайская (1911–1949 гг.) с запозданием в сравнении с Английской буржуазной и Великой французской революциями провели упразднение самодержавия и ликвидацию т.н. феодальных пережитков.

Ряд зарубежных исследователей справедливо отмечает, что Русская революция «осуществила то, чего в Европе добились буржуазные революции» [14, с. 94], однако, когда в перечень этих достижений включаются «разрушения феодальной системы в сельском хозяйстве и установления буржуазного регулирования отношений собственности на селе» [14, с. 94], это вызывает некоторые возражения. Было упразднено помещичье землевладение, но на селе не появился широкий класс мелких и средних собственников. Главным помещиком осталось государство, но теперь и единственным, так

как вся земля принадлежала ему и выдавалась отрабатывающим в колхозах и совхозах барщину крестьянам. Здесь возникают аналогии Английской революции, которая, в отличие от французской, пошла путем крупного земельного владения и разорения мелких хозяйств, что дало более эффективное сельское хозяйство и высвободившиеся трудовые ресурсы для промышленности.

В модернизации России Ленин ориентировался на образцы не ведущих стран – США и Англии, а только одной из ведущих – Германии, которой пришлось выполнить резкий скачок с середины XIX в. в погоне за развитыми экономическими странами. Ленин (и его последователи) избрали вариант государственного капитализма по немецкому образцу с еще большей ролью государства во всех социально-экономических сферах [см.: 4, с. 32; 7, с. 3].

Однако хотеть и сделать – не совсем одно и то же. Как отмечает ряд исследователей, новый «строй» в России «очень быстро и совершенно спонтанно принял худшие черты похороненного царского режима» [15, с. 38]. Некоторые авторы считают, что этот «откат» был еще сильнее, и система эксплуатации в СССР приобрела одну из худших форм – государственное рабство [16, с. 463]. Так, П. Сорокин писал в 30-х гг. XX в.: «То, что у нас введено было под именем государственно-капиталистической системы, представляет буквальное повторение хозяйственной системы древней Ассиро-Вавилонии, древнего Египта, древней Спарты, Римской империи периода упадка (III—V вв. по Р. Х.), государства инков, Перу, иезуитов, системы, не раз имевшей место в истории древнего Китая, например, при Ван ань-Ши, древней Японии, системы, близкой к состоянию ряда государств ислама, бывшей не раз в истории Персии, Индии и т. д.» [16, с. 466].

В сельском хозяйстве произошел возврат не только на дореволюционный уровень, но даже на дореформенный уровень 1860-х гг. До реформы крестьяне работали на государственных землях и помещичьих, после революции они все стали работать в пользу государства, была восстановлена община в виде колхозов, где условия труда и эксплуатации стали еще жестче. Путь развития и методы сильно напоминали Петровские. В новых условиях крепостных, конечно, не приписывали к мануфактурам, но условия были сходными. Выход из «крестьянства» строго регламентировался паспортной системой, и был возможен, в сущности, через «большие стройки» и армию. Крестьянство, как и до революции, было основной движущей силой экономики страны. Государство проводило индустриализацию за счет запредельной эксплуатации, сильно напоминающей феодальные повинности, только здесь феодалом выступало само государство (по принципу «азиатского способа производства» Маркса).

Бертран Жувенель уверял, что «чтобы уяснить истинное значение революции 1917 г., понадобился период в четверть века. Власть, простирающаяся намного дальше, чем власть царя, делает страну гораздо сильнее и позволяет отвоевать территорию, потерянную империей» [6, с. 296]. Позволим себе не согласиться с французским политологом. Во-первых, территория империи была потеряна исключительно в результате революции и гражданской войны. Во-вторых, «возврат» начал происходить в самом конце 30-х гг. и в результате победы в Великой Отечественной войне. В-третьих, власть восточных сатрапов всегда простиралась дальше, чем ту, что имел русский самодержец, а уж тем более «западные короли», но это не делало эти государства сильными, даже наоборот, и они никогда не являлись серьезными фигурами на международном уровне. Царская Россия, потеряв позиции после Крымской войны, все равно представляла собой серьезного игрока на внешней арене в к. XIX – начале XX в., положение, которое СССР только стал возвращать в конце 30-х гг.

Направленная модернизация, под которой имеется в виду ускоренное развитие государства в недружелюбной среде (догнать и перегнать, отстоять самостоятельность и т.д.) – это направление радикальных реформ, а не революций. Такие эффекты модернизации – это Россия при Петре I, Германия Бисмарка и Гитлера, Моедзё (Мэйдзи) в Японии, Италия при Муссолини и др. Реформы Петра I, в отличие от революции 1917 г., вывели Россию в разряд ведущих европейских государств. Этого «запала» хватило почти на полтора века (итоги Крымской войны уже говорили об отсталости России). Прусские реформы 1806–1812 гг. и реформы Бисмарка сделали для экономики, государственных и общественных институтов Германии больше, чем все революции. Реформы Петра I и Бисмарка – это модернизация в ходе реформ, но не в результате революций. Ни русская 1917 г., ни германская революция 1918 г. такого эффекта не дали.

Процесс индустриализации и рост ВВП в СССР, безусловно, происходил и в 1920-х и 30-х гг., но следует понимать, что это рост от точки разрухи и по сравнению «с самим собой». Во-первых, после 8 лет войны, вначале Мировой, а затем гражданской, промышленность страны была почти полностью разрушена, а сельское хозяйство находилось в плачевном состоянии, в сравнении с этим положением любое достижение казалось значительным. Во-вторых, показатели роста и сдвигов дают представление об искусственном движении вперед по отношению к 1922 г. или 1913 г., или в привязке к любому другому году, но не учитывает движение во времени и в окружающей среде. Другие страны, до уровня которых СССР собирался добраться, так же развивались, и СССР был

так же далек от их уровня, как и Российская империя в 1913 г. Соизмерять необходимо соизмеряемые величины и их взаимное изменение во времени.

Так, например, с такой точки зрения царская Россия была отсталой страной, которая могла воевать только с еще более отсталой Турцией и терпела поражения от развитых стран и т.п., но через 20 лет после окончания Первой мировой, где Россия потеряла от 2 до 4 млн. человек, терпела поражения, но линия фронта проходила западнее современной границы РФ, СССР потерпел поражение от маленькой Финляндии, а затем допустил германские войска до Волги и Москвы и потерял в войне более 20 млн. Армия осталась та же – такая же крестьянская армия царского времени. Страна, как до революции, так и после не могла воевать с развитыми странами. Так что миф о модернизирующем значении Октябрьской революции необходимо отставить. Именно после Второй мировой СССР стал индустриальной и военной сверхдержавой, а не после Октября. Те перемены, что произошли во время войны, повлияли на это, и страна сделала то, что не удалось за двадцать лет после революции. Следует учитывать и тот факт, что индустриализация, проведенная в 30-е не дала эффект для ведения войны, так как большая часть заводов осталась в оккупированной европейской части, а подготовленный «рабочий класс» снова ушел воевать. За годы войны и в период восстановления страны пришлось проводить новую индустриализацию – именно она и стала основой будущего могущества государства с победоносной армией, которая за годы войны преобразилась и стала по-настоящему новой и современной.

С 1928 г. годовой рост ВВП не сильно превышал дореволюционный уровень и составлял 4,2%, а вот уровень роста в 50-х гг. превышал уже существенно – 5,7% годовых, что и привело Советскую экономику к самым высоким достижениям за всю историю – 40% от объема ВВП США в 1955 г., 60% – в 1965 г., 52% – в 1975 г. В 80-е рост ВВП составлял уже 2% годовых [33, p. V]. Советская экономика, относившаяся к быстро растущим в 1950-х, превратилась в одну из самых медленно растущих в 1980-е гг. [21, p. 6]

К модернизирующей роли (и функции) Русской революции (и революций вообще), необходимо подходить с большой осторожностью. Конечно, изменения были, их не могло не быть. Ускоренная индустриализация за счет ущемления других областей социальной (демократических основ, построения среднего класса и т.д.) и экономической жизни (торговли, сельского хозяйства) в 30-е гг. имела место и сыграла свою роль (дискуссии о цене этой индустриализации вполне уместны). Однако основной «прорыв» СССР произвел не в 20-е и 30-е гг., а в ходе и после Второй мировой войны (за счет неимоверного, превышающего время революции, напряжения и мобилизации всех ресурсов, в первую очередь, людских). Даже если вести отсчет модернизационных процессов в России от начала 20-х гг., то суммарных достижений этой модернизации и экономической «догоняйки» не хватило даже на полвека – срок ничтожный с исторической точки зрения. Таким образом, если Русская революция и стала инструментом модернизации (в развитии уровня индустриализации), то в долгосрочной перспективе этот инструмент не сработал, этот путь дал слишком краткосрочный эффект и результат.

Как отметил исследователь российской экономики Пол Грегори, Советская экономика сделала резкий скачок, однако если оценивать рост в долгосрочной перспективе, то показатели роста российской дореволюционной экономики на длинном промежутке не уступали бы показателям советской экономики [29, p. 192]. Здесь следует учитывать, что существенная разница заключалась в том, что в царской России иностранные инвестиции играли существенную роль, СССР пришлось рассчитывать только на внутренние ресурсы, которые во многом выжимались за счет сельского хозяйства [29, p. 193]. Эта особенность стала последствием изоляции страны, возникшей после революции и гражданской войны, и это можно расценивать как негативное влияние революции на экономическое развитие.

Возвращаясь к основному определению модернизации, под которым понимается переход от аграрных, сельских и целостных обществ к современным промышленным и постиндустриальным сообществам, преобладающе расположенным в городах [36, p. 8–9], отметим, что этот процесс действительно стал неотъемлемым результатом всех революций. Т. Скокпол утверждала, что урбанизация не является определяющим признаком, так как Франция и Китай после революций остались аграрными или преимущественно аграрными государствами, и только после русской революции произошла ускоренная индустриализация, которая вела к быстрым темпам урбанизации [34, p. 282]. Однако американский политолог опиралась на краткосрочные периоды, если оценивать более длинными периодами (а такие изменения невозможны в короткие временные промежутки), то процессы повышенной урбанизации произошли и во Франции, и в Китае, и во всех других странах, испытавших революции.

Еще один ключевой вопрос – это демократизация общества и политических структур в процессе модернизации. Р. Дарендорф, в отличие от многих исследователей модернизации, пришел к выводу, что «демократический путь к модернизации является больше исключением, чем правилом». С точки зрения английского социолога можно считать верным, что без модернизации невозможна демократия, но сама модернизация не является ни единственным необходимым, ни достаточным условием для учреждения

демократических режимов [22, p. 15]. В качестве наиболее яркого примера Дарендорф приводит политическую и социальную систему Англии, в которых до сих пор присутствуют остатки прежней системы: сословий и конституционной монархии, – и, тем не менее, Великобритания является образцом демократии [22, p. 18]. И здесь следует, на наш взгляд, ориентироваться на более длинные временные отрезки. В конце концов, на больших исторических промежутках модернизация ведет к большей демократизации обществ, и этот процесс наблюдается во всех странах на протяжении Нового и Новейшего времени.

Для С. Хантингтона модернизация – структурная причина революции, тогда как для Б. Мура революция – структурная причина модернизации. «Как это ни парадоксально оба, вероятно, правы» [32, p. 176], – писал Чалмерс Джонсон. Здесь приходится согласиться, что определить, какой из процессов влечет за собой следующий, достаточно проблематично. Однако в свете рассматриваемых нами вопросов следует внести уточнение. Революция производит резкие и коренные изменения, которые не случились в государстве эволюционным путем и мешали стать «современным государством» (Modern state) государством по «образцу» (требованиям) Нового времени (Новейшего – для поздних революций). Таким образом, революция становится, безусловно, структурной причиной дальнейшей модернизации государства, в которой процессы модернизации (урбанизация, индустриализация и демократизация) структурно связаны друг с другом и находятся в зависимости, но размещены на длительном временном промежутке, и в конечном итоге имеют отношение к «породившей» их революции примерно так же, как индустриальная революция XVIII–XIX вв. к религиозным войнам в Европе XVI–XVII вв.

Как верно отметил Дарендорф, модернизация включает два первичных элемента: уравнение статуса всех членов общества и мобилизацию, которая становится условием экономического роста – мобилизация людей, их нужд, требований и желаний (Токвиль использовал для этого термин «демократия» вместо «modernity») [22, p. 16]. В течение нескольких веков на примере европейских стран (и США) наблюдалось постоянное расширение избирательных прав граждан, которые, в конце концов, затронули все слои и социальные группы. Недаром многие социальные философы называли XX век «веком толпы», веком «правления масс» – это отражение процессов обсуждаемой демократизации европейских стран и США, когда все общество (почти без исключений) приобретает равные права и возможности их реализации.

Революции не должны вести к демократии и демократическим изменениям в полном и современном понимании. Однако бесспорное последствие всех революций – уничтожение привилегированного сословия, установление новой социальной структуры общества (по примеру стран Западной Европы и Америки, «по стандартам Нового времени»), что неминуемо в процессе развития общества ведет к «демократизации». И это изменение социальной структуры общества как следствие революции, которое в исторической перспективе ведет к урбанизации и демократизации, пожалуй, является единственным признаком, в чем тезис модернизации в ходе революции не может быть оспорен.

Литература:

1. Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 360 с.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
3. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
4. Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М.: РОССПЭН, 2005. 288 с.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
6. Жувенель Б., де. Власть: Естественная история ее возрастания /Пер. с фр. М.: ИРИСЭН, 2011. 546 с.
7. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 33. М., 1969. С. 1–120.
8. Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 17. М., 1960. С. 317–370.
9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 13. М., 1959. С. 1–167.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 4. М., 1955. С. 419–459.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2-ое. Т. 3. М., 1955. С. 7–544.
12. Мау В. А. Сочинения в шести томах. Т. 1. М.: Дело, 2010. 712 с.
13. Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. /Пер. с фр. М.: ГПИБР, 2006. 548 с.
14. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. /Пер. с нем. М.: Логос, 2003. 527 с.
15. Пайпс Р. Коммунизм. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 201 с.
16. Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.

17. Токвиль А. Старый порядок и революция /Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. /Пер. с англ. М.: Прогресс, 2004. 408 с.
19. Шульц Э. Э. Социальная утопия как идеология социального протеста // European Social Science Journal. 2013. № 8–2 (35). С. 496–507.
20. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций /Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
21. Cohn S. H. The productivity of Soviet Investment and the Economic Burden of Defense // Final Report to National Council for Soviet and East European Research. The Council, 1983. 34 p.
22. Dahrendorf R. Democracy and Modernity: Notes on the European Experience // Democracy and modernity: international colloquium on the centenary of David Ben-Gurion [by the Israel Academy of Sciences and Humanities, held in Jerusalem, on January 4–5, 1987] /Ed by. Shmuel Noah Esenstadt. Brill, 1992. P. 15–19.
23. Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill, 2003. 1059 p.
24. Eisenstadt S. N. The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis /Ed by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. Beverly Hills (CF): Sage Publication Ltd., 2004. P. 48–66.
25. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations /Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. Brill, 2002. P. 27–41.
26. Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 395 p.
27. Gilman N. Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003. 329 p.
28. Goldstone J. A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.
29. Gregory P. R. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 376 p.
30. Inglehart R. Modernization and postmodemization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
31. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
32. Johnson C. Revolutionary Change. Stanford: Stanford University Press, 1982. 217 p.
33. Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985. Santa Monica: RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. 102 p.
34. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 407 p.
35. Modernization, in sociology, the transformation from a traditional, rural, agrarian society to a secular, urban, industrial society [электронный ресурс]. URL: http://global.britannica.com/EBchecked/topic/387301/modernization (дата обращения 20.02.2014)
36. Vishnevsky A. Modernization and Counter-Modernization in Russia // Russia in Global Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. P. 8–22.

References:

1. Bolingbroke H. The letter on the study and use of history. M.: Nauka, 1978. 360 p.
2. Guizot F. History of civilization in Europe. M.: The territory of the future, 2007. 336 p.
3. Goldstone J. Toward a fourth generation of revolutionary theory. // Logos. 2006. № 5 (56). P. 58–103.
4. Graziosi A. War and revolution in Europe, 1905–1956. M.: ROSSPEN, 2005. 288 p.
5. Dahrendorf R. The modern social conflict. An essay on politics of liberty / Transl. from Germ. M.: ROSSPEN, 2002. 288 p.
6. B. de Jouvenel On power: the natural history of its growth / Transl. from Fr. M.: IRISEN, 2011. 546 p.
7. Lenin V. I. The state and revolution. The teaching of Marxism on the state and tasks of the proletariat in the revolution // Lenin V. I. PSS. 5th. ed. V. 33. M., 1969. P. 1–120.
8. Marx K. The civil war in France. Address of the General Council of the International // Marx K., Engels F. Works. 2nd. ed. V. 17. 1960. p. 317–370.
9. Marx K. A contribution to the critique of the Political Economy // Marx K., Engels F., Works. 13. M., 1959. P. 1–167.
10. Marx K., Engels F. The Communist Manifesto // Marx K., Engels F., Works. 2nd. ed. V. 4. M., 1955. P. 419–459.
11. Marx K., Engels F. The German Ideology // Marx K., Engels F., Works. 2nd. ed. V. 3. M., 1955. P. 7–544.
12. Mau V. A. Works in six volumes. V.1. M.: Delo, 2010. 712 p.
13. Mignet F. History of the French Revolution, from 1789 to 1814. / Transl. from Fr. M.: GPIBR, 2006. 548 p.
14. Nolte E. European civil war (1917–1945), National Socialism and Bolshevism. / Transl. from Germ. M.: Logos, 2003. 527 p.
15. Pipes R. Communism. M.: Moskovskaya shkola politicheskih issledovanii, 2002. 201 p.
16. Sorokin P. A. Sociology of revolution. M.: ROSSPEN, 2005. 704 p.
17. Tocqueville A. The Old Regime and the Revolution / Transl. from Fr. SPb.: Aleteia, 2008. 248 p.

18. Huntington S. Political Order in Changing Societies. / Transl. from Engl. M.: Progress, 2004. 408 p.
19. Shults E. E. Social utopia as an ideology of social protest // European Social Science Journal. 2013. № 8–2 (35). P. 496–507.
20. Eisenstadt S. Revolution and the transformation of societies. A comparative study of civilizations / Transl. from Engl. M.: Aspekt Press, 1999. 416 p.
21. Cohn S. H. The productivity of Soviet Investment and the Economic Burden of Defense // Final Report to National Council for Soviet and East European Research. The Council, 1983. 34 p.
22. Dahrendorf R. Democracy and Modernity: Notes on the European Experience // Democracy and modernity: international colloquium on the centenary of David Ben-Gurion [by the Israel Academy of Sciences and Humanities, held in Jerusalem, on January 4–5, 1987] /Ed by. Shmuel Noah Esenstadt. Brill, 1992. P. 15–19.
23. Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Brill, 2003. 1059 p.
24. Eisenstadt S. N. The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis /Ed by S. A. Arjomand, E. A. Tiryakian. Beverly Hills (CF): Sage Publication Ltd., 2004. P. 48–66.
25. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations /Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. Brill, 2002. P. 27–41.
26. Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 395 p.
27. Gilman N. Mandarins of the future: modernization theory in Cold War America. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 2003. 329 p.
28. Goldstone J. A. Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991. 608 p.
29. Gregory P. R. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 376 p.
30. Inglehart R. Modernization and postmodemization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
31. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Ronald Inglehart and Christian Welzel. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
32. Johnson C. Revolutionary Change. Stanford: Stanford University Press, 1982. 217 p.
33. Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985. Santa Monica: RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. 102 p.
34. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 407 p.
35. Modernization, in sociology, the transformation from a traditional, rural, agrarian society to a secular, urban, industrial society [e-resource]. URL: http://global.britannica.com/EBchecked/topic/387301/modernization (date of access 20.02.2014)
36. Vishnevsky A. Modernization and Counter-Modernization in Russia // Russia in Global Affairs. 2006. Vol. 4. № 2. P. 8–22.